

**НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. Н. ЛОБИНА
«К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.»**

В своей статье А. Н. Лобин обратился к чрезвычайно важной для понимания особенностей развития исторического процесса в России эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени и вместе с тем весьма дискуссионной проблеме: какой была численность русского войска в конце XV–XVI вв. Приходится с сожалением признать, что при современном состоянии источниковой базы удовлетворительное решение поставленного вопроса в обозримом будущем вряд ли возможно. Однако вместе с тем некие рамочные ограничения численности московского войска в указанный период определить все же возможно, и А. Н. Лобин предлагает, на наш взгляд, ряд интересных и полезных соображений.

Для начала определимся с терминологией. По нашему мнению, при рассмотрении проблем, связанных с определением численности русского войска конца XV–XVI в., необходимо прежде всего установить максимальное количество ратных людей, которое было способно выставить государство при тотальной мобилизации в идеальных условиях. Этот мобилизационный ресурс, по нашему мнению, и есть тот верхний предел, то самое крайнее рамочное ограничение, за пределами которого любые приводимые цифры могут считаться абсолютно нереальными и потому смело могут быть отброшены. Однако, вне всякого сомнения, такое число ратных людей в реальности никогда не могло быть собрано, хотя бы в силу несовершенства тогдашней администрации, инфраструктуры и проч.

Есть все основания полагать вполне применимыми к русским условиям XVI в. слова немецкого историка Г. Дельбрюка. Анализируя военные возможности варварских королевств раннего Средневековья, он указывал, что римляне с их администрацией, средствами и правильно организованным снабжением могли выставлять в кампанию армии в десятки тысяч солдат, но варварские короли были лишены этого, так как

... мир снова погрузился в натуральное хозяйство, и германские короли уже не имели в своем распоряжении римской административной организации. Воинов больше не держали сосредоточенными в легионы. Для того, чтобы их прокормить, их приходилось распределять по всей стране... Не составило б никакого труда собрать в чисто германских областях более крупные отряды, но в таком случае не было бы возможности их прокормить, не нарушая при этом всех установленных порядков и не уничтожая местной культуры¹.

Не стоит забывать о том, что примитивная экономика варварских государств, основывавшаяся на сельском хозяйстве, не имела большого запаса прочности, и небольшие, по римским меркам, потрясения могли погрузить ее в глубокий кризис, переходивший в многолетнюю депрессию со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кое-кто в Москве, конечно, предъявлял претензии на статус III Рима, и московская военная администрация в XVI в. могла считаться передовой в христианском мире. Единственно, кто мог с ней соревноваться в эффективности и умении организовывать военные кампании даже на удаленных театрах военных действий, был бюрократический аппарат испанского короля Филиппа II, современника Ивана IV. Однако же при этом эффективность римской военно-бюрократической машины была все же намного выше, чем московской, и потому предложенный британским историком Дж. Кипом метод расчета численности вооруженных сил («активная» армия и «теоретический максимум» соответственно 2 и 5,5 % от общей численности населения страны²) представляется нереальным и недостижимым. В этом мы согласны с А. Н. Лобиним.

Далее, говоря о численности армии, необходимо различать *общую численность вооруженных сил* (полевые войска и гарнизоны крепостей и городов) и *действующей армии*, выставляемой в кампанию на одном или нескольких театрах военных действий. В отношении русской армии того времени это тем более необходимо, если вспомнить о том, что, к примеру, зажиточные дети боярские могли нести «дальнюю полковую службу о дву конь», тогда как захудалые — только гарнизонную «городовую».

Естественно, что действующая армия в любом случае всегда будет составлять только часть от общей численности всех вооруженных сил государства. Опять же, применительно к России того времени, это обстоятельство имеет особое значение, если принять во внимание тот факт, что с 1507 по 1552 гг. ей приходилось порой сражаться на три главных фронта — против Великого княжества Литовского и ханств Крымского и Казанского, имея в качестве потенциальных противников также еще Ливонский орден и Швецию, а после падения Казани два фронта, литовский и крымский, все равно сохранялись. Выставляя слишком большую группировку войск на одном из театров военных действий, русское правительство рисковало оголить остальные, а это могло привести к серьезным негативным последствиям, и в Москве прекрасно это понимали.

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. II. С. 297, 298.

² Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985. P. 87–88.

И еще одно обстоятельство, о котором не стоит забывать. Любая действующая армия всегда включает в себя, по словам русского генерала Н. Н. Головина, «боевой и обслуживающий элементы», комбатантов и некомбатантов, или, проще говоря, прежде всего она состоит из «едоков», а уж потом — из «штыков и сабель». Отсюда вполне закономерным выглядит вопрос: а как считать общую численность вооруженных сил в целом и действующей армии в частности, по «едокам», или же — по «штыкам и саблям»?

Несомненно, что непосредственное участие в боевых действиях принимают, на первый взгляд, только «штыки и сабли», однако вместе с тем также несомненно, что эффективность работы всего военного организма зависит от действий всех составляющих его элементов, т. е. от каждого «едока». И в этом случае встает закономерный вопрос — можем ли мы исключать из численности действующей армии тех же «людей с юки в кошу», что сопровождали большинство детей боярских в походах, и ту же самую *посоху*, на плечи которой ложилась основная тяжесть черновой работы на войне? Может ли конная рать долго воевать без фуражировки? А кому заниматься ею, как не «кошовым»? Опять же, квалифицированных пушкарей в армиях того времени было немного, но в помощниках-гандлангерах у них ходили многочисленные посошные, обустривавшие артиллерийские позиции, перемещавшие пушки, подвозившие боезапас. Кроме того, они же устраивали колонные пути, мосты, гати, служили, наконец, в обозе и проч.

Нельзя не сказать и о специфическом характере войны в XVI столетии в Европе и на ее ближней периферии вообще и на восточноевропейском театре военных действий в частности. Боевые действия сводились преимущественно к ведению осад и обороне крепостей и (что в особенности было присуще Восточной Европе) к «малой» войне, смысл которой сводился к банальному опустошению территории неприятеля. Больших, «генеральных», сражений, когда требовалась большая полевая армия, было немного, и все они могут быть пересчитаны практически по пальцам. Для первой половины XVI в., например, это битвы на Ведроши, Серице и под Оршей.

А. Н. Лобин в своей статье совершенно верно подчеркивал, что при попытках прикинуть наиболее вероятные размеры действующей армии необходимо учитывать те задачи, которые были поставлены перед ней в конкретную кампанию. Представляется, что в случае когда речь идет о «государевом походе», главной целью которого было взятие крупного города и стратегически важной крепости (Смоленска или Полоцка, к примеру), в расчет нужно брать все-таки не только «штыки и сабли», но также и «кошовых» и даже посоху (естественно, не всю, а только ту, что принимала непосредственное участие в осадных работах). Соответственно, численность войска будет существенно выше, чем если речь будет идти о набеговой операции, пусть даже и крупномасштабной.

И еще — поскольку Россия на протяжении значительной части XVI столетия вела войну, как было уже отмечено выше, сразу против нескольких противников и на нескольких театрах военных действий, порой удаленных друг от друга, то логично было бы предположить, что общая численность вооруженных сил Русского государства в это время если и уступала армиям вероятных противников (прежде всего Крыма и Великого княжества Литовского, а в первой половине XVI в. — еще и Казанского ханства), то не настолько, чтобы сделать это противостояние безнадежным. «Бог всегда на стороне больших батальонов», и это правило для XVI в., когда технические сред-

ства ведения войны (то же самое огнестрельное оружие) и связанные с ним перемены в организации и структуре вооруженных сил еще не получили значительного развития, тем более должно приниматься в расчет.

Наконец, мы поддерживаем точку зрения М. М. Крома, отмечавшего, что численность вооруженных сил Русского государства в конце XV–XVI вв. необходимо рассматривать в динамике. По данным первой половины XVI столетия, периода подъема, нельзя судить о численности армии во второй половине века, когда страна погружалась в пучину глубокого, всестороннего кризиса³.

Кроме того, мы сомневаемся в, на наш взгляд, существенном приуменьшении численности населения Русского государства в XVI столетии, особенно в первой его половине, которую предложил С. М. Каштанов. Более или менее точное определение численности населения Русского государства в рассматриваемый период представляется чрезвычайно важным, и в особенности это касается крестьянства, ибо, как отмечал В. Н. Сторожев, «...став между государством и крестьянской массой, дворянская конница черпала свои силы и средства исключительно из последней...»⁴.

С. М. Каштанов полагал, что в XVI – начале XVII вв. в России насчитывалось до 100 000 сел и деревень. Если принять в качестве среднего числа дворов в одном поселении 4–5 (что, по данным сохранившихся писцовых книг, для XVI в. отнюдь не является нормой), это даст порядка 400 000–500 000 крестьянских дворов. Если же считать, что на каждый двор приходилось 5–6 человек, то выходит, что общая численность крестьянского населения России в это время составляла порядка 2,5–3 млн человек⁵.

Однако такая цифра представляется заниженной. Прежде всего, согласно расчетам авторов коллективной «Аграрной истории Северо-Запада России», только в Новгородской и Псковской землях в начале XVI в. проживали 500 000 крестьянских душ обоюбого пола⁶. Выходит, что здесь, на северо-западе Русской земли, проживало примерно 1/6 всего крестьянского населения, а остальные находились в междуречье Волги и Оки, бассейне Волги, по Каме и Чусовой, в заозких уездах и волостях⁷. Такое соотношение представляется маловероятным, особенно если учесть общую площадь Псковской земли и южных пятин земли Новгородской.

Кроме того, выведенная С. М. Каштановым цифра не согласуется с данными, полученными при попытках высчитать численность крестьянского населения Руси в конце XIII в. по результатам ордынских «чисел». Предварительные, весьма приблизительные, подсчеты численности населения Северо-Восточной Руси (без новгородских и псковских земель) для конца XIII – первой половины XIV в. показывают, что здесь уже тогда могли проживать до двух или даже несколько более миллионов человек.

³ Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 69.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898. Т. 1. С. VIII.

⁵ История Европы. М., 1989. Т. 3. С. 118–119. — Н.Д. Чечулин, к примеру, полагал, что в среднем на одну деревню в XVI в. приходилось по 4,4 двора (Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. М., 1889. С. 310). По мнению Г. В. Вернадского, средний размер крестьянской семьи для XVII в. составлял 7 человек (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 223).

⁶ Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землевладельцы). Л., 1989. С. 11, 37–38.

⁷ История Европы. Т. 3. С. 119.

В качестве основы для вычислений нами были приняты следующие исходные данные: 1) размер ордынского выхода с территории великого княжества Владимирского и Московского⁸;

2) численность «тем» на территории Великого княжества Владимирского в 60-х гг. XIV в. составляла 15, а Нижегородского в 40-х гг. XV в. — 5⁹;

3) по расчетам С. Н. Кистерева, в конце XIII в. ордынская дань с одного работника составляла 1/30 рубля¹⁰;

4) сведения об ордынском «числе» в 1275 (1273 – ?) году, приведенные В. Н. Татищевым, позволяют сделать вывод о том, что «тьмы» были составлены из мужчин-налогоплательщиков, работников. Т. о., можно предположить, что «тьма» включала в себя около 10 000 работников¹¹;

5) средний размер семьи в конце XIII–XIV вв. точно неизвестен, однако если в XVII в. средняя семья состояла из семи человек, то вряд ли в XIII–XIV вв. она была существенно меньше: хозяин, возможно, его престарелые родители, его жена и минимум двое детей — т. е. не меньше 4–6 человек. По Новгородской земле, исходя из данных, приведенных в «Аграрной истории Северо-Запада России», в среднем в крестьянской семье было от 5,7 до 7,7 человек¹².

Если взять за основу данные, приведенные выше, то получается, что на территории Московского и Владимирского великих княжеств на конец XIII в. проживали около 150 000 налогоплательщиков-крестьян — т. е. те же самые 15 тем. Считая семью каждого из них в 6 человек, получаем, что общая численность населения здесь составляла около 900 000 человек, в том числе в Московском княжестве — около 230 000 человек (примерно 4 «тьмы»).

Соответственно, в Тверском княжестве могли проживать около 360 000 человек (до 6 «тем»), в Нижегородском — около 300 000 (5 «тем»), в Рязанском — около 120 000 (2 «тьмы», как следует из ярлыка Менгли-Гирея Сигизмунду Августу¹³). Всего около 1 700 000 человек. Однако к этому числу необходимо добавить также население Псковской и Новгородской земель, а также «тем» Тульской, Черниговской, Смоленской и Брянской, которые вошли в состав Русского государства при Иване III и Василии III. С ними крестьянское население Руси в конце XIII в. составляло примерно до 2 500 000 человек, и это без учета городского населения и проживавших на освобожденных от налогов церковных землях.

Следовательно, по С. М. Каштанову, получается, что за 2,5 столетия население Руси практически не выросло. Не доверять же данным ордынского «числа» нет оснований, равно как и сомневаться в отмеченной историками общей тенденции быстрого прироста

⁸ 5000 рублей в 1389 г., причем с Москвы — 1280 руб. (См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2005. С. 108–109), а также с территории Тверского княжества (2000 руб. в 1321 г. — ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 96; М., 2000. Т. 15. Стб. 41).

⁹ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 225; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 68, ДДГ. М.; Л., 1950. С. 119.

¹⁰ Кистерев С. Н. Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // Очерки феодальной Руси. Вып. 3. М., 1999. С. 81.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 5. С. 51.

¹² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 77–81, 124, 228, 322.

¹³ См.: Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду // Режим доступа: <http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys15.htm> (Последнее посещение 10 декабря 2008 г.).

населения в XV в.. Как отмечал Ф. Бродель, несмотря на отдельные отклонения в этом процессе, тем не менее, общий положительный тренд в демографической ситуации был налицо. И если в Европе в XVI в. годовой прирост населения составлял в среднем порядка 7 % (больше в первой половине столетия, и меньше — во второй)¹⁴, то можем ли мы полагать, что в России он отсутствовал? И можно ли сомневаться в том, что этот прирост был, если, по данным авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», в Новгородской земле за время, разделявшее «старое письмо» (конец 70-х – начало 90-х гг. XV в.) от «нового» (1495–1505 гг.), количество деревень выросло почти на 10 %, дворов на 21,8 %, а население — на 19,2 %?¹⁵

Все это приводит нас к выводу, что население Русского государства в XVI в., во всяком случае в первой его половине, до начала глубокого социально-экономического кризиса, было значительно больше, чем 2,5–3 млн. Насколько больше? Здесь нам ближе точка зрения А. И. Копанева, полагавшего, что в России середины XVI в. проживало до 8–9 млн жителей¹⁶.

Если примем во внимание эту цифру, то, применив к ней предлагаемую Дж. Кипом методику расчетов, получим, что русское войско в середине XVI в. насчитывало порядка 450 000 «едаков» и не менее 160 000 «штыков и сабель», что, безусловно, представляется совершенно неверным. Хотя бы потому, что армия Османской империи в начале правления Сулеймана Кануни насчитывала порядка 120 000 (всадников-тимариотов и их слуг вместе с пехотой, конницей и артиллерийской прислугой капыкулу) при населении империи порядка 22, и то и более, млн человек¹⁷.

Следовательно, отбросив в сторону методику Дж. Кипа, попытаемся подойти к определению предельных размеров мобилизационного ресурса Русского государства для первой половины XVI в. иными путями. Естественно, мы не настаиваем на том, что данный метод дает абсолютно точные данные, так как величина допуска остается довольно большой. Однако, как нам представляется, полученные в результате приведенных далее расчетов цифры показывают **верхний** предел, выше которого всякие иные цифры будут безусловно завышенными и неправдоподобными.

Для начала приведем цитату из Ю. Г. Алексева:

Если исходить из широко известных *более поздних* (выделено нами. — В. П.) норм мобилизации (“со ста четвертей человек на коне в доспехе в полном”), то 5000 всадников соответствовали 500 000 четвертей земли “в поле, а в дву потому ж”. Писцовые книги конца XV – первой половины XVI в. приводят к выводу, что на одно полноценное крестьянское хозяйство приходилось в среднем 10 четвертей в поле, т.е. для мобилизации 5000 всадников требовалось 50 000 крестьянских дворов¹⁸.

Примечательно, что эти выкладки в целом подтверждаются материалами писцовых книг конца XV – первой пол. XVI вв. Например, согласно сведениям писцовой книги Тверского уезда 1539/1540 г., зафиксировавшей данные о поместном землевладении на конец 30-х гг. XVI в., всего под поместьями находилось около 64 000 четвертей пашни в «одном поле» и покосов и немногим больше 5700 крестьянских дворов.

¹⁴ Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2003. Ч. 2. С. 72–73, 82–83.

¹⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 82.

¹⁶ Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // ИЗ. М., 1959. Т. 64. С. 235, 245.

¹⁷ Бродель Ф. Указ. соч. С. 65–66; Murphey R. Ottoman warfare 1500–1700. New Brunswick, 1999. P. 38, 45.

¹⁸ Алексеев Ю. Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. М., 2005. С. 291–292.

С этих поместий несли службу 367 помещиков, из которых к полковой службе были годны (т. е. имели пашни и покосов около 100 или более четей) 222 и к городской — 145. При этом первая категория помещиков выставляла еще 246 всадников (из расчета всадник со 100 четвертей земли). Т. о., вместе с послужильцами боевая сила тверского служилого «города» (без учета вотчинников) составляла примерно 600 бойцов¹⁹. Обращает на себя внимание и тот факт, что численность годных к полковой службе тверских помещиков не слишком сильно различается с количеством тверских детей боярских, принявших участие в знаменитом Полоцком «государевом» походе 1562/1563 г.²⁰.

Исходя из этих данных, попытаемся в первом приближении прикинуть верхний предел численности русской поместной конницы. Если принять население России в первой половине XVI в. за 8 000 000 человек, отбросить посадских людей и считать, что только половина крестьян принадлежали помещикам и вотчинникам, а остальные — церкви и ли проживали в черносошных волостях, то мы будем иметь для этого времени порядка 650 000 – 700 000 крестьянских хозяйств. Т. о., максимальная численность поместной конной милиции *по очень оптимистическим оценкам* (выделено нами. — В. П.) могла составлять порядка 65 000–70 000 всадников. Однако такая цифра представляется тоже завышенной. На наш взгляд, ее можно принять только в том случае, если считать не число «штыков и сабель», а число «едеков».

Несколько более реальные цифры «потолка» дает, на наш взгляд, иная методика расчетов. А. Кампензе в своем послании папе Клименту VII писал, что в 20-х гг. XVI в. Василий III мог полагаться на 15 000 всадников, что выставляло Рязанское княжество, 30 000 московских всадников и 40 000 — тверских²¹. Естественно, что эти цифры завышены, однако можно предположить, что они отражают примерное соотношение тех воинских контингентов, что могли выставить соответствующие земли на рубеже XV–XVI вв.

Примечательно, что названная Кампензе пропорция в целом соответствует данным, полученным при сравнении числа ордынских «тем» и размеров ордынского выхода с соответствующих земель. С известной долей вероятности можно предположить, что соотношение населения между названными выше землями на протяжении XIV–XV вв. *кардинально* не переменилось. И максимально возможная численность выставляемых с них всадников соотносилась примерно в этой же пропорции. То есть если принять за основу расчетов Рязань, то Москва выставляла всадников вдвое больше, Тверь — втрое, Нижегородская земля — в 2,5 раза больше, а все бывшее Владимирское великое княжество (без учета Москвы) — в пять с половиной раз больше, чем Рязанское.

К сожалению, у нас нет точных сведений о том, сколько всадников поместной милиции выставляли рязанцы в первой половине XVI в. Однако известно, что сразу после Смуты рязанские станы выставляли примерно 1200–1300 дворян и детей боярских²². Вряд ли в первой пол. XVI в. это число было существенно меньше, хотя бы

¹⁹ Подсчитано автором по: Писцовая книга Тверского уезда письма Ивана Петровича Заболоцкого и Михаила Ивановы сына Усова Татищева // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 13–143.

²⁰ Согласно «Записной книге Полоцкого похода», в составе сторожевого полка входили 240 тверских детей боярских (Записная книга Полоцкого похода // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 128).

²¹ Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. СПб. 1836. Т. 1. С. 24–25.

²² См., например: Разрядная книга 7124 года // ВОИДР. М., 1849. Кн. 2: Материалы. С. 16; Разрядная книга 7125 года // ВОИДР. М., 1849. Кн. 3: Материалы. С. 125–126.

потому, что рязанская служилая корпорация неизбежно должна была понести серьезные потери в годы Ливонской войны и Смуты²³. Следовательно, можно предположить, что и столетием ранее она могла иметь примерно столько же дворян и детей боярских. Тогда получается, что Москва могла выставить порядка 2500 всадников, Тверь 3600, Нижний Новгород 3000, Владимирское княжество — 6600. Итого порядка 16 500–17 000 всадников. К этому числу можно добавить еще 1300 всадников с новгородских пятин и еще порядка 300 — с Псковщины²⁴. Всего получается примерно 18 500.

По материалам писцовых описаний в начале XVI в. было соотношение: *один сын боярский — один его послужилец — один кошевой* (хотя реально оно, видимо, уже во второй четверти XVI в. стало меньшим). Исходя из этого, получаем мобилизационный ресурс порядка 37 000 «сабель» или 55 000 «едаков». Добавим к этому служилых людей Смоленской, Черниговской, Тульской и Брянской «тем» (используем эти названия в качестве условных наименований для тех территорий, что вошли в состав Русского государства в конце правления Ивана III и при Василии III), получаем порядка 40 000 «сабель», или 60 000 «едаков».

Кстати, неожиданно для нас эти расчеты совпали с данными, что были получены ранее при попытке определить численность рати великого князя московского, посланного на помощь псковичам в 1501 г. Из летописного контекста следует, что речь идет, скорее всего, именно о «едаках», и если принять во внимание расчеты К. В. Базилевича, то на 3900 новгородцев (1300 помещиков и 3600 их послужилцев и кошевых) приходится 10 800 тверичей (3600 помещиков и вотчинников и 7200 их послужилцев и кошевых). В сумме это составляет 14 700, тогда как нами была получена цифра 14 500. Расхождение настолько невелико, что, с учетом неизбежных при такого рода подсчетах погрешностей, оно может считаться вовсе отсутствующим.

Таким образом, для первой половины XVI в. 40 000 «сабель» и 60 000 «едаков» представляются тем «потолком», выше которого всякие прочие определения численности поместной конницы Русского государства будут завышенными и нереальными. Возможно, что в 1550–1560-х гг., в результате введения в действие Уложения 1556 г. и создания новых служилых «городов», численность поместной конницы (как «сабель», так и «едаков») могла несколько вырасти. Но насколько — это остается вопросом. Все зависит, на наш взгляд, от того, каким числом послужилцев располагал среднестатистический сын боярский, выступавший в дальний поход «конно, людно и оружно». Если реформа способствовала тому, что на определенное время он мог выставить двух послужилцев, то 60 000 «сабель» в качестве верхнего предела мобилизационного ресурса выглядит достаточно правдоподобной цифрой.

Во всяком случае, целый ряд источников как будто свидетельствует в пользу такого предположения. В частности, если обратиться к «обидным» спискам начала 70-х гг. XVI в., то в них сказано, к примеру, что у четырех детей боярских, дорогобужан, литовские «воры» убили четверых их людей, а еще четверых взяли полон. У двух других детей боярских взяли трех их людей. У одного сына боярского убили человека,

²³ В этой связи стоит отметить, что О. А. Шватченко, со ссылкой на расчеты Е. Д. Сташевского, отмечал, что в Московском уезде в 1573 г. размеры земли в поместном фонде составляли 35 928 четей, в а 1624 г. — 31 584 чети, т. е. разница составляла менее 10 % (*Шватченко О. А.* Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008. С. 6).

²⁴ *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужилцев в конце XV вв. // *ИЗ. М.*, 1945. Т. 14. С. 62; *Записная книга Полоцкого похода...* С. 125, 133–134.

а другого ограбили, а двоих взяли в полон, а у второго сына боярского взяли двух его людей²⁵. Сын боярский Севрюк Клавшов в своем донесении об обстоятельствах похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. сообщал, что «изменник государский» Кудеяр Тищенко, который вывел татар на Москву, «прибежал» к хану с пятью другими детьми боярскими, а с ними было 10 «человек их людей».²⁶

То есть в данном случае на каждого сына боярского приходилось по два послужильца. Более того, число выставляемых с поместья послужильцев далеко не всегда соответствовало нормам Уложения 1556 г. Так, сын боярский Степан Нелединский на смотр 16 августа 1564 г. явился на коне в доспехе и в шеломе, а с ним — двое его людей в доспехах и один в тегиляе, все на конях и в шапках железных, да два человека на мерилах числились в кошу. Между тем его поместье было не то чтобы небольшим, а совсем небольшим — 93 чети пашни и 87,5 копен покосу²⁷.

Кроме того, мы полагаем, что делать окончательные выводы о «людности» детей боярских на основании немногочисленных сохранившихся десятен второй половины XVI в. было бы некорректно. К примеру, сведения о «конности, людности и оружности» каширских детей боярских, что сообщает хорошо известная десятня 1556 г., если воспринимать их буквально, целиком и полностью соответствуют описанию вооружения крымских татар из не менее известного памфлета литвина Венцеслава Николаевича. Последний сообщал своим читателям, что татары выступали в поход,

....снаряженные по обычаю своему, а именно — многие безоружные, и едва ли у десяти или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие — деревянными палками, третьи — с пустыми ножнами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают...²⁸

Материалы же более поздних десятен не могут быть показателем «людности» применительно к рассматриваемому периоду. Во-первых, они отражают кризисное состояние всей поместной системы, пришедшей в упадок из-за затянувшейся войны и общего социально-политического и экономического кризиса, в котором находилось Русское государство к тому времени. Во-вторых, рязжский и епифанский служилые «города» как молодые, созданные в южных украинских уездах, где поместное землевладение еще только формировалось, состояли в массе своей из мелкопоместных детей боярских, нередко прибранных, к примеру, из тех же казаков²⁹. Помещик, который сам пахал землю и вел хозяйство, в тех краях в это время вовсе не был такой уж редкостью³⁰.

Все это заставляет сомневаться в том, что соотношение между детьми боярскими и их послужильцами 1:1, принимаемое для первой половины XVI в., сохранялось и в 1550-х – начале 1570-х гг. Однако если будет доказано, что и в эти годы соотношение 1:1 сохранилось, тогда, конечно, и предел будет иным, существенно меньшим.

Второе наше соображение касается расчетов примерной численности действующей армии, т. е. группировки войск, выставляемой в кампанию на определенном театре

²⁵ ПИВЕ. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 28.

²⁶ См.: Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 165.

²⁷ Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. I. С. 155

²⁸ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 66.

²⁹ См., например: Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. М., 2005. С. 96–97.

³⁰ Загоровский В. П. Указ. соч. С. 213.

военных действий. С этим вопросом определиться, как нам представляется, еще сложнее, Увы, здесь вслед за А. А. Зиминим приходится с печалью констатировать, что «...русские данные (прежде всего разрядные книги) отличаются точностью, но дают не общую численность войск, а *состав войска* (выделено нами. — В. П.) того или иного похода...»³¹.

Видимо, при отсутствии в разрядных записях точных данных относительно численности выделенной для конкретного похода армии можно вести речь только об определении более или менее приемлемых рамок, внутри которых она могла варьироваться. И для определения этих рамок на сегодня, судя по всему, нет иного метода, чем предложенный А. Н. Лобиним. Но, согласившись с ним по существу, мы возьмем на себя смелость несколько дополнить его своими соображениями.

Прежде всего, мы не видим в XVI и XVII вв. сколько-нибудь серьезного противоречия между общей численностью вооруженных сил и количеством выделяемых для проведения отдельной кампании войск. Естественно, что воинов выделялось больше для «государева» похода, чем для кампаний рангом ниже, да и соотношение «штыков и сабель» к «едокам» в этом случае было иным, чем в остальных случаях. А теперь зададимся вопросом, сколько раз выступал в поход во главе войска Михаил Федорович? Ни разу! А его сын Алексей? А внук Федор? Между тем в XVI в. и Василий III, и Иван IV не раз лично возглавляли войска в походах против тех же самых Казани или Литвы, не говоря уже о выходах навстречу крымскому «царю».

К примеру, сравним две кампании — 1654 г., когда Алексей Михайлович лично возглавил войско, направившееся к Смоленску, и Полоцкий поход 1562–1563 гг. В Смоленском походе Алексея Михайловича приняла участие лишь часть сил, выделенных против Речи Посполитой. Ведь кроме армии, действовавшей на этом направлении, корпус В. Б. Шереметева охранял Белгородскую черту, отряд под началом А. В. Бутурлина отправился в Киев, а в Белоруссии действовали еще два корпуса — А. Н. Трубецкого и В. П. Шереметева. Общая численность выставленных в этой кампании русских войск составила порядка 70 000–80 000 человек, в том числе в главной армии около 40 000³². В Полоцком же походе, как следует из разрядных записей, приняла участие большая часть полевых войск, которыми располагал к тому времени Иван Грозный.

Но даже и без личного участия государя в XVI в. в поход выступали огромные по тем временам армии. К примеру, так было весной 1532 г., когда «прииде к великому князю Василию Ивановичю всея Руси весть ис Крыму, что крымской царь копится со многими людьми и с похвалою, а хочет идти на великого князя украину...», в ответ на что Василий III:

...послал на Коломну на берег воевод своих..., а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских изо многих городов бесчислено много. А наряд был великой, пушки и пищали изставлены по берегу на вылазех от Коломны и до Коширы и

³¹ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 445.

³² *Бабулин И. Б.* Полки русской армии в Смоленском походе 1654 г. // Воин. 2004. № 17. С. 36–39; *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // АРИ. М., 2007. Вып. 8. С. 176–179; *Мальцев А. Н.* 1) Россия и Белоруссия в сер. XVII в. М., 1974. С. 25, 29, 59; 2) Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. // ИЗ. М., 1951. Т. 37. С. 128–129, 130; и др.

до Сенкина и до Серпухова и до Калуга и до Угры; добре было много, столко и не бывало...³³

И в самом деле, разрядная роспись подтверждает эту картину. Полки были расставлены по «берегу» под Коломной, в устье Осетра, под Ростиславлем, Девичьим, Бачмановым, Карабчевым, Хотяинцевым, Белым Колодезем, Каширой, Сенкиным, не считая тех, кто был послан под Рязань. Всего же на «берег» заступило на службу 33 воеводы с ратными людьми — действительно, огромные силы. Судя по всему, большая часть всех вооруженных сил Русского государства на то время³⁴.

Далеко не все так просто, как может показаться на первый взгляд, и с определением числа людей, сражавшихся под началом отдельных голов. Судя по разрядным записям, конные «сотни» сильно различались по своему составу в зависимости от принадлежности к конкретному полку и проч. В том же Полоцком походе в государевом полку «сотни» насчитывали от 96 до 200 дворян и детей боярских:

...со князем Дмитрием Хворостининым столников 4 ч., стряпчей 1 ч., жилцов 7 ч., выборных 15 ч., дворовых и з городов 15 ч., псковских помещиков 127 ч., ярославцов 30 чел, и всего 200 чел <...> с Федором Карповым жилцов 3 ч., выборных 7 ч., дворовых 6 ч., из Ракобора годовщиков Бежетцкие пятины 80 ч.; и всего 96 ч. ...³⁵

Обращает на себя внимание, что в тексте четко и недвусмысленно речь идет именно о дворянах и детях боярских, а об их людях ничего не говорится. Однако полагать, что стольники, стряпчие, жильцы или выборные дворяне и дети боярские явятся в поход без своих людей, было бы, безусловно, ошибочно. Следовательно, численность «сотен» можно смело увеличить хотя бы вдвое, и тогда получается, что в «сотне» в начале кампании могло быть до 400 всадников.

Вместе с тем есть указания и на «сотни» значительно меньшей численности. Так, в 1582/1583 гг. на государеву службу с Андреем Тимофеевым сыном Михалковым был отряжен 21 сын боярский с поместным окладом от 400 до 100 четей. Согласно нормам Уложения 1556 г., они могли бы выставить не меньше 30 послужильцев, не считая кошевых³⁶. Таким образом, в «сотне» Тимофея Михалкова было около 50 всадников. Все это очень напоминает картину различных по численности конных хоругвей польских и литовских.

Одним словом, отвечая на вопрос о численности действующей армии, каждый конкретный эпизод необходимо анализировать отдельно, учитывая все аспекты. Во всяком случае, если речь идет о «государевом» походе, тем более походе дальнем, подобном Полоцкому, скорее всего в него выступали лучшие дети боярские, способные не только сами снарядиться на службу, но и посадить в седло хотя бы одного послужильца. Поэтому мы считаем, что предложенная А. Н. Лобиным оценка численности поместной конницы в том же полоцком походе в 25 000–30 000 все-таки является заниженной.

Точно так же мы не согласны и с оценкой общей численности русского войска при Василии III в 40 000. Во-первых, в Полоцком походе приняли участие представители

³³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 64–65.

³⁴ Разрядная книга 1475–1605. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 230–231. В знаменитом Полоцком походе Ивана IV приняли участие, помимо самого государя и его брата Владимира Андреевича, двух татарских «царей» и четверех «царевичей», черкасского князя Василия, 22 воеводы (20 — в полках и при наряде и двое дворовых).

³⁵ Записная книга Полоцкого похода... С. 133–134.

³⁶ Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. II. С. 254.

более чем 50 служилых «городов», существовавших и при Василии III. Во-вторых, если великий князь литовский мог выставить, по оценке А. Н. Лобина, в поле 14 000–16 000 человек, крымский хан мог отмобилизовать 25 000–30 000 всадников, и, надо полагать, не меньше мог выставить воинов и казанский хан, то невольно возникает вопрос — как при двукратном общем превосходстве неприятеля русские сумели выдержать длившееся несколько десятилетий противостояние?

Есть еще одно соображение, не позволяющее согласиться с такой заниженной оценкой. Безусловно, А. Н. Лобин верно подметил общую закономерность в развитии русского войска в XVI в., заключавшуюся в медленном, но неумолимом изменении соотношения конницы и пехоты. Однако не стоит забывать о том, что созданные Иваном Грозным «стрельцы» были «выборным» войском. Следовательно, их было из кого выбирать. И если учесть другую, не менее четкую, тенденцию того времени — к профессионализации русского войска, можно заключить, что Иван IV и его советники решили заменить набираемых от случая к случаю пищальников на более или менее постоянное пешее войско. Однако при этом никто не отменял набор в чрезвычайных случаях тех же пищальников. В сентябре 1562 г. Иван IV потребовал собрать для похода на Полоцк с северных городов «впопы прежнего наряду», предписав дьякам,

...чтоб выбрали людей на конех в саадацах, которые б люди были собою добры и молоды и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазды; и на ртах ходить умели, и рты у них были у всех; и наряду б у них было: саадак или тул с луком и с стрелами, да рогатина или сулица, да топорок...³⁷

Явно здесь речь идет не о посохе, а о полноценных ратниках. И в наказе М. И. Воротынского накануне памятной кампании 1572 г. четко было прописано:

...а имати с бояр и со князей и з детей боярских людей с пищальми с пятьсот чети человека с пищалью, с тысячи чети дву человек с пищальми. Да, поймав, тех людей с пищальми розписать по головам особно, опроче детей боярских...³⁸

Т. е., речь снова идет не о «посохе», а о «пищальниках».

В целом же мы полагаем, что динамику изменения численности русского войска можно представить следующим образом: 60-70-е гг. XV в. — до 20 000, после помещной реформы Ивана III в первом десятилетии XVI в. — до 40 000, в конце правления Василия III — до 70 000–80 000, или несколько более. К концу 1540-х гг., возможно, было некоторое сокращение численности, с последующим возрастанием к началу 1560-х гг. примерно до 100 000.

Острый кризис, в котором оказалась страна в конце правления Ивана Грозного неизбежно должен был привести к серьезному сокращению численности вооруженных сил до 40 000–50 000 во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. Это было связано с резким уменьшением общего числа послужильцев. Другое дело, сколько от этого общего числа потенциальных ратников русские государи XVI в. могли реально выставить в поле в составе действующей армии. Здесь были возможны самые разные варианты.

³⁷ Витебская старина. Витебск, 1885. Т. IV. С. 31.

³⁸ Документы о сражении при Молодах // Исторический архив. 1959. № 4. С. 170.

Summary

These theses have appeared as a result of studying A. N. Lobin's article: «To a question on number of armed forces of the Russian state in 16th century». Agreeing with Lobin's reasons on this disputable and debatable problem, the author has considered necessary to state a number of the thoughts which account can promote the offered Lobin's specification of model of calculation of number of armed forces of the Russian state in 16th century

The author has come out with the assumption, that at definition of number of Russian troop during this period it is necessary to define first of all mobilization possibilities of the Russian state at this time. This problem is solved only in the event that will be defined an aggregate number of the population of Russia at this time. Further, according to the author, it is necessary to distinguish accurately two concepts «armed forces» and «field army». Last always will make only a unit of the first, and for Russia it has especial value. Not a secret, that it has been compelled to wage wars on several fronts at once throughout all 16th century.

The author also brings an attention to the question on necessity to consider at definition of number of Russian armed forces not only its battle element, but also noncombat. Transport's servants, «coshewye» and «posokha», provided actions of a cavalry, an infantry and artillery and quite often accepted active participation in operations. Necessity of revision of the relation to this noncombat element follows from features of the East Europe battlefield and a nature of war which was conducted here. Operations on this battlefield were mainly reduced to chevauchée and sieges of fortresses. Decisive battles were rare enough. The importance of this noncombat element essentially increased during sieges. Therefore the author has suggested to use at calculations two indicators — «eaters» for a designation of an aggregate number of army and «muskets and sabres» — for battle.

The author also has opposed the point of view occurring in a modern Russian historiography diminishing number of Russian army in 16th century. The Russian foreign policy expansion successfully developed on an extent greater of a unit of century. Considerable territorial expansion of the Russian state can be explained that in aggregate its army did not concede on number to armies of the main opponents of Russia at this time — the Tatar khanates and Lithuania. It is necessary to consider as well dependence of number of Russian troop on the general condition of the state and society in Russia at this time. Lifting inevitably should was affect growth of number of armed forces whereas crisis so inevitably conducted to reduction of number of Russian troop well.